

С. В. Подкорытова
М. Н. Федченко

Продовольственное снабжение населения Южного Зауралья в годы Великой Отечественной войны

В статье рассмотрены вопросы продовольственного обеспечения населения Южного Зауралья (Курганская область) в годы Великой Отечественной войны. Микроисторический подход к анализу источников позволил авторам выявить основные проблемы продовольственного снабжения и их влияние на повседневную жизнь населения. Исследование опирается на воспоминания участников войны, детей, живших в г. Шадринске в этот период, как опубликованные, так и записанные лично авторами. Проведен анализ архивных источников (фонды Шадринского городского Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета, предприятий, эвакуированных в г. Шадринск). Выделены основные категории снабжения населения Южного Зауралья продовольствием. Рассмотрены нормативные документы, установившие точную систему снабжения в регионе, нормы отпуска по карточкам для разных социальных групп, организация литерного питания для передовиков производства, руководящего состава предприятий и учреждений. Реализация карточек происходила через закрытую сеть магазинов, продовольственные магазины общей доступности, столовые. Авторами обращено внимание на улучшение питания населения, в первую очередь рабочих, за счет организации подсобных хозяйств, сбора дикоросов, охоты и рыбалки. Показаны прецеденты плохого снабжения учителей в сельских районах и эвакуированных жителей, неправомерной выдачи карточек на предприятиях, их утери и воровства, злоупотреблений местных чиновников при распределении продовольствия. Охарактеризованы такие проблемы продовольственного обеспечения сельского населения, как обесценивание трудодней, неурожай, спекуляция. Делается вывод о том, что система продовольственного снабжения была налажена, но имела ряд проблем, которые решались в соответствии с возможностями местных властей и условиями военного времени.

Ключевые слова: Южное Зауралье (Курганская область), Великая Отечественная война, продовольственная проблема, социальные группы.

Введение

Одной из острых проблем начального периода Великой Отечественной войны стала организация снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Это было связано с резким сокращением продовольственных ресурсов, оказавшихся на оккупированной территории. Так, Н. А. Вознесенский приводит следующие данные: на территории, оккупированной гитлеровскими войсками, находилось 47% посевных площадей, 45% поголовья скота (в переводе на крупный скот) [4, с. 157], здесь производилось 38% всей довоенной валовой продукции зерна, 84% сахара [4, с. 42]. По данным наркома пищевой промышленности СССР В. П. Зотова, «из 10 400 предприятий Наркомпищепрома СССР, имевшихся до войны, — около 5500 оказались в зоне оккупации и были разрушены или серьезно пострадали. <...> Пищевая промышленность потеряла 50% энергетического хозяйства, 40% всего технологического оборудования» [26, с. 16]. В результате задача обеспечения продовольствием не только себя, но и центральной России легла на плечи тыловых районов, к числу которых относилось и Южное Зауралье. Сложившаяся обстановка требовала срочного решения — перестройки всей системы экономики и производства на новый лад. Введение карточной системы обеспечения продовольствием и промышленными товарами также стало ответом на военные реалии.

На протяжении всего послевоенного периода интерес к проблемам, порожденным войной, не только не затихает, но и продолжает расти.

Традиционно историографию исследуемой темы можно разделить на два этапа: советский и постсоветский.

© Подкорытова С. В., Федченко М. Н., 2022

Изучение экономического развития территорий на общесоюзном материале начинается еще в военный период. Выходит ряд статей патриотической направленности, освещающих героический опыт рабочих, возможности мобилизации незадействованных ресурсов экономики [32; 34; 39]. Обширные статистические данные о промышленном развитии Урала в военные годы приведены в работе К. И. Клименко [27]. Крупные труды по истории Курганской области в исследуемый период появляются лишь во второй половине 1960-х гг. «Очерки истории Курганской области» частично затрагивают экономическое развитие региона в 1941—1945 гг. Приоритетным в исследованиях советских лет оставалась демонстрация роли партийно-государственного аппарата в решении экономических проблем [35].

Промышленное развитие и сельское хозяйство в период Великой Отечественной войны начинают более интенсивно изучаться в 1990-е гг. Появляются новые архивные данные, но исследования по-прежнему сосредоточены в русле экономики, лишь ряд работ затрагивают социальные проблемы того времени, остается неизученной повседневная жизнь простых людей.

Различные аспекты социальной политики и экономического развития Южного Урала в годы Великой Отечественной войны рассмотрены в кандидатских диссертациях Г. Ю. Колесниковой, Ю. В. Мельниковой [29; 30], статье И. А. Даниловой [25]. На новых архивных материалах и воспоминаниях написаны и защищены кандидатские диссертации А. В. Могутнова, А. В. Рубина [31; 38].

Историческое развитие территорий, ныне входящих в Курганскую область, рассмотрено в коллективной монографии «Экономика Южного Зауралья периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1941—1953)». Авторами всесторонне показаны процессы в сельском хозяйстве и промышленности в военные годы. Анализируется не только система нормированного распределения продуктов по карточкам, но и роль личных подсобных хозяйств крестьян, рабочих, служащих, пенсионеров в снабжении их семей продовольствием [28]. В монографии В. В. Подливалова исследована социальная сфера и досуг населения Южного Зауралья в годы Великой Отечественной войны, обеспечение продуктами питания людей различных социальных категорий населения Южного Зауралья (с февраля 1943 г. Курганской области) — рабочих, служащих, крестьян, эвакуированных граждан, номенклатурных работников партийно-государственного аппарата [37, с. 210—219].

В монографии Р. Р. Хисамутдиновой «Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы» дан обширный историографический обзор исследований сельского хозяйства Южного Урала в период Великой Отечественной войны, проведен анализ экономического развития уральских сел, прослежена эволюция взаимоотношений между городом и селом. Показано влияние налогообложения на благосостояние сельских жителей на всех этапах войны [44].

В монографии Р. С. Бахтиярова, А. В. Федоровой на основе архивных материалов дана объективная картина состояния животноводства на Южном Урале в 1941—1945 гг. В этот период отрасль находилась в сложном положении ввиду непродуманных действий со стороны государства и местных органов власти. Рост заготовок поддерживался жесткими мерами, что приводило к ухудшению положения сельского населения [2].

Исследуемой проблеме посвящены статьи в сборниках конференций «Зырянские чтения», «Емельяновские чтения». Например, в статье С. А. Акатьевой рассматривается снабжение хлебом различных слоев населения городов Южного Зауралья. Работа основана только на архивном материале г. Кургана [1].

Проанализированные работы дают достаточно полную картину различных аспектов жизни населения крупных городов региона в период войны: Оренбурга, Челябинска, Кургана. О проблемах продовольственного снабжения малых городов, таких как Шадринск, а также отдельных районов области встречаются лишь отрывочные сведения.

Основной ракурс исторических исследований был направлен на изучение регионов с развитой промышленностью, так как именно они обеспечивали основные поставки вооружения на фронт. Южное Зауралье, являясь аграрной периферией развитого промышленного Урала, изучалось лишь в его контексте.

Территориальные рамки исследования обозначены нами как Южное Зауралье, поскольку Курганская область стала самостоятельным административным субъектом лишь в 1943 г. Она была выделена из территорий Челябинской и Омской областей. Область отличалась слабым промышленным развитием, экономика являлась в основном аграрной. На территории области к моменту образования проживало 975 тыс. человек, из них 11,7% городских и 88,3% сельских жителей [37, с. 4].

Основу источниковой базы исследования составили документы двух местных архивов — Государственного архива г. Шадринска и Государственного архива общественно-политической документации Курганской области. Изучены фонды местных органов власти и государственного управления, эвакуированных предприятий. Авторами привлекалась периодическая печать — газета «Шадринский рабочий» за 1941—1945 гг. Для анализа повседневной жизни населения использованы опубликованные в альманахе «Шадринская старина» воспоминания людей, живших в исследуемый период в г. Шадринске. Кроме того, проведены беседы с «детьми войны» — В. К. Перуновым и Г. Кудриной [5; 6].

Цель работы — проанализировать систему продовольственного обеспечения малых городов и сельскохозяйственных районов Южного Зауралья в годы Великой Отечественной войны. Для реализации данной цели нами поставлены следующие задачи: охарактеризовать категории снабжения продовольствием малых городов и сельских районов Южного Зауралья; выявить пути снабжения различных категорий населения; определить основные проблемы в снабжении населения продовольствием.

Микроисторический подход в изучении повседневной жизни позволил проанализировать источники личного происхождения, с новой стороны взглянуть на публикации в периодической печати и архивные данные. Так, в своем исследовании авторы опираются на воспоминания детей, живших в тот период на исследуемой территории. Проблемы продовольственного снабжения рассматриваются не с точки зрения экономики, а повседневной жизни населения. Современные методологические подходы микроистории и истории повседневности позволили по-новому осветить неизученные или недостаточно изученные моменты истории тыловых районов в период Великой Отечественной войны, показать повседневную жизнь населения, способы решения указанных проблем исходя из реалий того времени.

Результаты исследования

В снабжении населения продуктами питания исследуемый регион имел ряд особенностей. Во-первых, он был в основном сельскохозяйственным, а поэтому продовольственная проблема несколько смягчалась наличием у сельских жителей личных подсобных хозяйств. Во-вторых, здесь не было крупных городов, а небольшие города и рабочие поселки в сравнении с крупными городами страны снабжались нормированным продовольствием по карточкам по остаточному принципу. В-третьих, в небольших городах и рабочих поселках края подавляющее большинство жителей, как и в сельской местности, имело личные подсобные хозяйства для производства сельскохозяйственных продуктов.

В-четвертых, распределение в колхозах хлеба по трудодням не играло существенной роли в продовольственном снабжении колхозников и членов их семей.

В условиях острой нехватки продуктов питания органами государственной власти было введено нормированное снабжение населения хлебом и другими продуктами питания — так называемая карточная система. В Кургане и Шадринске она введена со второй половины августа 1941 г. К 10 ноября 1941 г. карточная система снабжения людей продовольствием охватила все города и рабочие поселки страны. Для распределения, выдачи и учета карточек в 1941 г. организовали Курганское и Шадринское городские и Шумихинское районное бюро продовольственных и промтоварных карточек. В 1943 г. начало работу Курганское областное бюро карточек. В 1944 г. такие бюро были созданы в г. Катайске, Варгашином, Куртамышском, Мишкинском, Юргамышском районах, в апреле 1945 г. — в Далматовском и Лебяжьеvском районах. Эти структуры работали под контролем исполкомов местных Советов депутатов трудящихся [1, с. 100].

Карточные бюро содержались за счет средств, полученных ими за карточки от населения. Расходование этих средств производилось бюро в соответствии с утвержденными для них годовыми сметами расходов. Они разрабатывались областными бюро карточек и утверждались исполкомами областных Советов депутатов трудящихся. В смете предусматривались следующие статьи расходов: заработная плата, аренда и содержание помещений и инвентаря, конторские расходы, почтово-телеграфные расходы, командировки, содержание транспорта [17, л. 4].

В карточных бюро всех уровней имели место неразбериха, халатность, злоупотребления. Эти структуры продолжительное время были недоукомплектованы кадрами. Часто располагались в стесненных условиях и непригодных помещениях. Касса Курганского городского бюро карточек находилась в комнате размером менее двух квадратных метров. Не было места для хранения документации, ее держали в мешках на полу. Подобное явление было и в бюро карточек области, где документация также хранилась в мешках в общей комнате, где работали сотрудники. Многие управляющие домами г. Шадринска, пользуясь бесконтрольностью со стороны городского бюро карточек, незаконно выдавали жителям справки для получения продовольственных карточек. Пятерых из них привлекли к судебной ответственности [22, л. 1].

Часто при проверках карточных бюро находили недостатки и задолженности. В октябре 1941 г. при проведении взаиморасчетов было выявлено, что Шадринское городское бюро продовольственных и промышленных карточек имело задолженность за август и сентябрь 1940 г. в размере 19 680 карточек [17, л. 5]. Плохую работу пытались оправдать нестабильным составом кадров карточных бюро [17, л. 16 об.]. Случались ошибки и в типографиях. В феврале 1943 г. при печатании карточек серии Р-1 с нормой для рабочих первой категории (красные) была допущена ошибка — увеличена норма выдачи сахара с 400 до 500 г. Для решения этой проблемы предлагалось вырезать по 1 талону [20, л. 40].

Таким образом, работа карточных бюро за период их существования была налажена слабо. Проверками выявлялись недостатки, которые не могли быть исправлены в силу обстоятельств, не зависящих от работников бюро (необеспеченность помещениями, нехватка кадров).

На территорию Южного Зауралья в начале войны было эвакуировано 15 предприятий, а вместе с ними рабочие и члены их семей. Сюда же переехали члены семей партийно-государственного аппарата и генералитета. Это расширило количество категорий потребителей и повлекло дополнительные затраты для местных властей. Контингент, получающий хлебные карточки, устанавливался ежемесячно местными органами власти. Продажа хлеба по ним производилась на каждый день по соответствующим талонам кар-

точки. Разрешалась продажа хлеба на один день вперед. По просроченным талонам хлеб не отпускался. В хлебных карточках вводились так называемые «дробные» талоны. Так, при норме отпуска на день 400 г хлеба имелось три талона: на 300, 50 и 50 г. Карточка была именной и выдавалась один раз в месяц. При потере карточки восстанавливались лишь в особых случаях [1, с. 100].

В г. Шадринске при продаже хлеба продавцы должны были отрезать талон от карточки и только после этого отпускать хлеб покупателю. При продаже хлеба, мяса, рыбы, сахара разрешалось их заменять: мясо — субпродуктами или мясными консервами, рыбу — рыбными консервами, сахар — кондитерскими изделиями, хлеб — мукой (750 г муки за 1 кг хлеба) [20, л. 35].

Нормы снабжения людей продовольствием устанавливались по группам населения для рабочих, служащих, иждивенцев и детей. Они зависели от ведомственной принадлежности предприятий промышленности, на которых трудились зауральцы. Из-за нехватки рабочих кадров к работе на заводах привлекались местные жители. Они выбирали те предприятия, на которых было лучшее обеспечение, например в г. Шадринске охотнее шли на ЗИС, так как он обеспечивался по закрытой сети. В худшем положении оказался Юрюзанский завод, переведенный в г. Шадринск из Челябинской области. Рабочие данного завода всячески сопротивлялись переезду, так как снабжение по ведомственной линии было слабым, а в отрыве от своего места жительства обеспечить себя было сложнее. Из воспоминаний, сохранившихся в архиве г. Шадринска, видно, что первая зима в городе прошла для них особенно тяжело.

По нормам первой категории снабжались работники оборонных предприятий, к которым в основном относились машиностроительные заводы Кургана, Шадринска, других городов и рабочих поселков Южного Зауралья. В 1941 г. по этой категории устанавливалась ежедневная норма в 800 г хлеба для рабочих и 500 г для служащих. Эти нормы не всегда выдерживались. Так, 4 декабря 1943 г. на Шадринском автоагрегатном заводе установили лимит на выдачу карточек по норме 700 г хлеба в день для 3700 человек [20, л. 28].

Рабочие и служащие железнодорожного транспорта, легкой и пищевой промышленности (эти отрасли преобладали в городах и рабочих поселках Южного Зауралья) снабжались по нормам второй категории — 500 г хлеба в день для рабочих и 400 г для служащих. Иждивенцы и дети получали по 400 г хлеба в день [1, с. 100]. Были установлены нормы снабжения хлебом и другими продуктами для работников непромышленной сферы — образования, здравоохранения, культуры, военнослужащих и их семей. Преподаватели вузов и средних специальных учебных заведений получали карточки по группе рабочих второй категории. По этой же норме снабжались учащиеся этих заведений. Кандидаты наук и доценты вузов дополнительно получали обеды и сухие пайки [20, л. 52, 92]. Дети-школьники городских школ области снабжались хлебом по норме 350 г в день (300 г по карточке и 50 г в школе) [51, с. 123].

Устанавливались нормы снабжения для работников здравоохранения и культуры, больных в стационарных медицинских учреждениях. 27 мая 1943 г. Курганский облисполком принял решение об установлении минимальных норм питания в больницах городов и сел на одного больного в месяц: мяса, рыбы — 1,5 кг, жиров — 500 г, сахара и кондитерских изделий — 50 г, макаронных изделий и крупы — 1,5 кг, овощей — 7,5 кг. Особые нормы предусматривались для больных туберкулезом и с расстройством желудочно-кишечного тракта [51, с. 116; 18, л. 28]. 14 июля 1944 г. опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об увеличении государственной помощи беременным

женщинам. Вдвое увеличивались нормы питания с шестого месяца беременности и кормящим матерям в течение четырех месяцев [50].

Продовольственные карточки можно было отоварить в торговых точках и столовых открытого и закрытого типов. В магазинах открытого типа могли отоварить карточки жители определенного района города. Часто выстраивались очереди, особенно за хлебом. Из воспоминаний В. К. Перунова: «Мы отоваривали карточки в магазине у Мелькомбината, чаще всего туда ходил старший брат, занимать очередь приходилось заранее, но когда открывался магазин, то взрослые могли вытолкнуть ребенка из очереди» [5].

Закрывая сеть продовольственного снабжения была создана в основном для лиц партийно-советской руководящей номенклатуры и членов их семей в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 июля 1939 г. Эта сеть сохранилась с некоторой корректировкой и в годы войны. 9 февраля 1943 г. приказом Наркомата торговли СССР и Центросоюза СССР и РСФСР было установлено снабжение продовольственными и некоторыми промышленными товарами руководящих работников районных советских, хозяйственных и партийных организаций по следующим предельным нормам (на месяц в граммах на одного человека): крупы, макаронных изделий — 1500, сахара — кондитерских изделий — 500, жиров — 600, мясных или рыбных продуктов — 2200. Снабжение по этим нормам производилось в пределах 35—38 человек руководящих работников на каждый район следующей номенклатуры: секретари и заведующие отделами райкома ВКП(б); председатель, заместитель председателя и секретарь райисполкома; заведующие отделом райисполкома и лица, приравненные к ним; секретарь райкома ВЛКСМ; редактор районной газеты; директор и начальник политотдела МТС; председатель правления райпотребсоюза и его заместитель — директор районной заготконторы; районный прокурор и народный судья; начальники районных отделений НКВД и милиции; управляющий отделением Госбанка; заведующий районной связью; директор районной конторы «Заготживсырье» и управляющий районным промкомбинатом. Отпуск питания указанным работникам в столовых закрытого типа производился сверх норм, установленных этим приказом, с расходом на одного обедающего в месяц продуктов питания в пределах норм, предусмотренных этим постановлением, и 200 г хлеба в день [51, с. 9—10].

12 июля 1943 г. СНК СССР принял постановление «О снабжении партийно-советских работников Курганской области». Для них организовывались закрытые от остального населения столовые и магазины. Был утвержден контингент на улучшенное снабжение продовольственными и промышленными товарами: по первой группе — 318, по второй — 400, по третьей — 500 человек. Кроме того, 900 человек было определено на второе дополнительное горячее питание. В первую группу лиц по льготному снабжению продовольствием входили секретари обкома ВКП(б), председатель облисполкома и его заместители, начальники областных управлений НКВД и НКГБ, заведующие областными отделами здравоохранения и народного образования, областной прокурор, областной военный комиссар, председатель областного суда, управляющий областной конторой Госбанка, главный редактор областной газеты «Красный Курган», первый секретарь обкома комсомола, другие высшие должностные лица области [8, л. 252—257; 9, л. 120; 20, л. 35, 41, 49].

В декабре 1943 г. улучшенное (так называемое «литерное») питание получали 36 партийно-советских и комсомольских руководящих работников г. Шадринска, в том числе 15 человек из горкома партии, 15 — из горисполкома, четверо — из горкома ВЛКСМ, один сотрудник НКГБ, заведующий районным отделом народного образования. К первой, высшей категории снабжения были прикреплены 8 человек, ко второй — 7, к третьей — 21 [20, л. 35, 41, 49].

Дополнительный паек нередко использовался как стимул к повышению производительности труда. Передовикам производства могли выписать дополнительный сухой паек или второе блюдо в столовой. Дополнительный паек получали рабочие, производившие боеприпасы. При проверке Шадринского автоагрегатного завода им. Сталина было выявлено, что помимо рабочих и передовиков производства необоснованно получали дополнительные вторые блюда работники отделов рабочего снабжения (ОРСов), охраны и др. По результатам проверки вынесли решение усилить контроль за использованием данного лимита, иначе он будет урезан [16, л. 2].

Помимо выдачи продуктов по карточкам на предприятиях работали столовые. По мнению Е. В. Тершуковой, для системы общепита военного времени было характерно строгое нормирование продуктов питания, ограниченный рацион питания, несоблюдение санитарно-гигиенических условий приготовления пищи и обслуживания клиентов, жесткая система наказания за нарушения в технологии приготовления пищи и ее распределении [40, с. 304—305].

Карточная система выдачи продуктов распространялась и на общественное питание. Так, столовые, которые обслуживали предприятия, учреждения и учебные заведения г. Шадринска, отпускали мясные обеды покупателям при условии сдачи ими талона карточки на мясо исходя из расчета: за обед, изготовленный из 100 г мяса, отдавался талон на 50 г, за обед из 200 г мяса — талон на 100 г [15, л. 67]. Хороший отзыв имеется о столовой Спиртзавода — здесь питались не только рабочие, но и 130 детей и иждивенцев, фронтовиков [48].

13 февраля 1944 г. в городской газете «Шадринский рабочий» говорилось об антисанитарном состоянии столовой одного из заводов. Отмечалось, что при отпуске обедов у столоующихся необоснованно вырезали талоны карточек на продукты, отсутствовавшие в блюдах или заложенные в них значительно меньше нормы. Работники столовой получали обеды без талонов за счет уменьшения порций рабочим. С октября 1943 г. по февраль 1944 г. в столовой не по прямому назначению израсходовали 112 кг мяса и 14,7 кг масла. В результате в блюдах оказалось вдвое меньше мяса и в три раза меньше масла [47].

Из воспоминаний Л. И. Фрейдгейма о жизни в Шадринске в эвакуации (его отец работал в пединституте, они ходили в столовую к отцу обедать по специальным талонам): при входе в столовую дежурный каждому давал алюминиевую столовую ложку, которую необходимо было вернуть, выходя из столовой. Еда была однообразной. На первое жидкий суп-щи, часто с крапивой. На второе котлета с пшенной кашей или сероватое картофельное пюре. Гарнир заправлялся ложечкой непонятной желтой жидкости, называемой маслом. Нужно было обязательно успеть сказать буфетчице «без масла», иначе есть это было невозможно. Обед завершался граненым стаканом слегка розоватого киселя из концентрата. Обед можно было взять домой. Сахара практически не было, его не удавалось получить даже по талонам, из «под полы» брали сахарин и его ели [45].

В годы войны не прекращалась рыночная торговля, главным образом колхозная. Деревенские жители реализовывали излишки сельскохозяйственной продукции своих подсобных хозяйств. Горожане также участвовали в торговле, продавая продукцию с огородов или личные вещи [24]. Из воспоминаний юрюзанцев: «Отпуск продуктов был скуден, а к весне 1942 г. стало еще тяжелее. На рынке имелся только случайный подвоз продуктов по весьма высоким ценам: мороженный картофель — 70 р. за пуд, молоко — 25 р. за литр, мясо — 80—85 р. за кг. При заработке рабочего в среднем 180—250 р.» [3]. Из воспоминаний В. П. Тимофеева: «Продавали на базаре с отцом, торговля шла оживленно. Мне он поручил продать кринку с топленным маслом, кажется, за 30 рублей. Я держал кринку перед собой и огорчил покупателя ценой. Отвлёкся, а ее украли» [41].

За годы войны в Южное Зауралье было эвакуировано около 150 тыс. человек, 20 тыс. из них разместили в Кургане, остальных — в других населенных пунктах. Среди эвакуированных как семьи простых граждан, так и семьи генералов и высших партийно-советских руководителей страны. В первые месяцы войны норма отпуска хлеба на одного эвакуированного в Южное Зауралье, включая детей и иждивенцев, ежедневно составляла 500 г на человека. В 1942 г. их сравнивали с нормами для местного населения. Эвакуированные из семей генералов, высших партийно-советских руководителей страны снабжались по особым нарядам областного отдела торговли. Они получали мясо, рыбу, масло, сыр, рыбные консервы, яйца, молоко, кофе, чай, рыбную икру, шоколад, курагу, т.е. продукты, недоступные простым жителям Южного Зауралья [12, л. 7—12].

Несмотря на это, и среди этой категории эвакуированных отмечались случаи недовольства продовольственным снабжением. В 1943 г. в Комитет партийного контроля ЦК ВКП(б) поступила жалоба от эвакуированных в Яланский совхоз Сафакулевского района семей работников ЦК партии и ЦК комсомола. В ней говорилось о том, что по сравнению с третьим кварталом 1942 г. в последующих двух централизованное поступление продовольствия для этих семей резко уменьшилось: по мясу примерно в четыре раза, рыбе — в пять раз, растительному маслу — вдвое, сахару — в 2,5 раза. В связи с этим эвакуированные предъявляли претензии к руководству местного совхоза. Его директор сообщал в обком партии о том, что «совхоз не имеет продуктов питания: овощей, круп, ягод, грибов, а поэтому не может оказать эвакуированным лицам помощь этими продуктами». Далее сообщалось, что в 1942 г. все эвакуированные граждане сажали огороды, но из-за неурожая некоторые из них не обеспечили себя картофелем и покупали его у местных жителей. 7 апреля 1943 г. совхоз выдал одновременно на каждого эвакуированного по одному килограмму мяса и по два килограмма картофеля. Ежедневно каждый ребенок из семей эвакуированных получал по 0,5 литра молока. Совхоз обеспечил семьи москвичей отдельными комнатами для проживания, сложил в них печи с плитами. Были выкопаны погреба для овощей, у домов построены ледники для хранения продуктов [12, л. 7—12].

В письмах на фронт, в руководящие партийные и государственные структуры многие простые эвакуированные граждане жаловались на плохое снабжение их продуктами питания. Эвакуированная в село Ольховку Б. Я. Черевец писала на фронт мужу: «Положение наше с каждым днем ухудшается. Мы уже три дня сидим без хлеба, и ни за какие деньги его здесь не купишь, ибо хлеба ни у кого нет. Вот так и живем, что варим крапиву и кушаем, все же боремся со смертью, ибо хочется как назло жить. В общем, у нас здесь голод» [35, с. 203]. А. Менщикова (г. Курган): «Саша, как жить на 300 граммов. Работы прибавляют, а паек убавляют. Зиму проживем, а к весне будем валиться как мухи» [10, л. 23, 25; 14, л. 28—29]. Жительница села Першино Далматовского района М. К. Орехова говорила: «Как дальше жить, страшно даже подумать. Вот уже четыре дня как мы не имеем крошки хлеба. Мы собираем мороженный прошлогодний картофель на полях. Причем нас ловят и бьют за это сами же колхозники и бригадиры, так как это колхозное добро» [36, с. 200—201].

Во многих ответах местных властей в Москву по жалобам эвакуированных граждан прослеживается мысль о том, что жалобщики зачастую жили не хуже тех, кто с жалобами не обращался. В конце 1943 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева пришло письмо от эвакуированной в Усть-Уйский район А. Колесниченко. Она писала: «За 17 месяцев меня район ничем не снабдил, не обеспечивает как эвакуированных ни дровами, ни квартирой, только 300 граммов хлеба без всякого приварка. Сельпо также плохо снабжает, продуктов дают мало, приходится сидеть больше голодом, чем кушать, и на каждом шагу слышать: “Зачем вы приехали?”. Мы продаем последние рубашки, а продавать уже

нечего. Просим секретаря ЦК ВКП(б) разобрать наше заявление и через торговые организации снабжать нас товарами, как пользуются все эвакуированные». По этому письму секретарь обкома партии ответил в ЦК ВКП(б): «Установлено, что гражданка А. Колесниченко материально обеспечена, работает в сельпо на сушке картофеля. Хлебным пайком обеспечивается: на себя 400 граммов и на сына — 300 граммов. Кроме того, получает в сельпо рыбу, пряники, картофеля 16 килограммов ежемесячно» [7, л. 40—43, 183, 235].

В статье И. Г. Финиковой отмечается, что продуктами питания эвакуированные и частично коренные жители Кургана обеспечивались и через колхозный рынок, где в сентябре 1941 г. было обилие продуктов — мяса, рыбы, молока, творога, яиц, масла, меда. Особенно много было огурцов, помидоров, лука и моркови. Но уже к зиме того же года положение с продуктами на рынке ухудшилось. Резко подскочили цены из-за нерегулярной подвозки продуктов из районов. Кроме рынка эвакуированные, как и местные жители, обеспечивались питанием через столовые общепита [43, с. 113].

Примечательно, что при нехватке продуктов питания приоритет в снабжении ими отдавался семьям партийно-советских номенклатурных работников. В третьем квартале 1943 г. продовольственные фонды для обеспечения партийно-советского актива и остальных граждан области, снабжавшихся по карточкам, были отоварены по мясу и рыбе на 85%, жирам — на 79%, сахару — на 14,6%. В связи с этим секретарь обкома ВКП(б) А. Ахлюстин сообщал в ЦК партии о том, что «при условии полного обеспечения актива продуктов недостает и приходится совершенно прекратить выдачу продуктов остальному контингенту, проживающему в городах и рабочих поселках». 4 апреля 1944 г. обком партии принял решение просить СНК СССР и ЦК ВКП(б) увеличить количество лиц партийно-советского актива, снабжающихся по первой льготной группе с 318 до 500 человек, по второй — с 400 до 700 человек. В ноябре 1944 г. в письме к заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну секретарь обкома партии П. Тетюшев и председатель облисполкома С. Моликов сообщали о том, что Курган не входил в список городов страны, находящихся на гарантированном обеспечении продовольствием. В письме содержалась просьба включить новый областной центр в список таких городов [8, л. 80—81, 252—257, 297—302; 9, л. 120, 227, 232, 237].

Остро стояла проблема с кражами и потерей карточек. Анализ заявлений о пропаже карточек дал возможность выявить основные обстоятельства пропаж: были украдены из квартир, на рынке, эвакуированные теряли во время пути, при пожарах. Больные и инвалиды могли потерять во время припадка или приступа. Встречаются случаи утраты по халатности — кочегар сжег карточки в топке. Если утеря карточки была доказана, то Шадринский горисполком приказывал бюро карточек выдавать пострадавшим талоны на хлеб и другие продукты в соответствии с нормами. Потеря карточек означала голод для семьи, и приходилось изыскивать возможности приобретения продовольствия не всегда законным путем. Из воспоминаний Т. П. Бархатовой: «Однажды старший сын Владимир потерял карточки на месяц. Это означало голод. Бабушка очень переживала. Помог главный инженер: “Неси резиновую грелку, вынесешь через проходную спирт, обменяешь на хлеб”. А чтобы не задержали, пришлось изобразить влюбленных. Охрана пропустила главного инженера и бабушку без досмотра. Выжили еще потому, что бабушка выносила рис, спрятав между двумя рейтузами» [45].

При хищении карточек пострадавшему необходимо было сообщить в магазин, к которому он был прикреплен. 21 марта 1944 г. в городской отдел НКВД поступили материалы о том, что на рынке г. Шадринска продаются хлебные карточки. У нескольких продавцов карточек они были изъяты, но большинство их не были именными, а потому подлинных

виновников хищений установить не удалось. Власти г. Шадринска запретили городскому карточному бюро их выдавать, не указывая фамилии получателя [21, л. 18].

В период действия карточной системы проводились межведомственные проверки с участием представителей НКВД. В г. Шадринске были выявлены многочисленные нарушения в оформлении и выдаче продовольственных карточек на промышленных предприятиях. Так, кассир телефонного завода незаконно выдал 32 именные продовольственные карточки без предъявления получателями необходимых стандартных справок. Рабочий инструментального цеха автоагрегатного завода А. А. Скаредных получал две карточки, по одной в разных отделениях цеха. Гражданка С. жила в деревне и работала сторожем в колхозе им. И. В. Сталина Новопесковского сельсовета, а ее муж трудился в г. Шадринске. Но С. получала два продовольственных пайка: один — в колхозе, второй — как иждивенка. Гражданка О., проживавшая в Шадринске, получала паек на себя и на ребенка, который проживал в деревне. Детским пайком она угощала своих приятелей. Властями Шадринска было подано исковое заявление на сумму в 7612 руб. в отношении гражданки П., которая в течение шести месяцев предъявляла фальшивую справку на ребенка и получала на него паек, хотя ребенка у нее не было. Табельщица Шадринского автоагрегатного завода получала карточку как рабочая — на 700 г хлеба, хотя должна была получать карточку на 400 г. Подобные нарушения не были единичными [18, л. 7; 19, л. 1474; 15, л. 40; 21, л. 16—19; 15, л. 95]. Итогом таких проверок становились судебные иски, предъявляемые нарушителям, а также реальные сроки заключения.

Некоторые номенклатурные работники, особенно в райцентрах, злоупотребляли своим служебным положением, не ограничивались привилегиями, которые им предоставляло государство. В коллективном анонимном письме рабочих, служащих и инвалидов войны Уксянского района И. В. Сталину (апрель 1945 г.) говорилось: «Обратите внимание на наше начальство. С 1 по 15 марта мы были без хлеба, раза четыре дали из овса одни комочки, есть нельзя было. Зато они пьянствуют каждый день. Райком, райисполком, НКВД, сельпо и прочее начальство жарят колхозных поросят, белую муку меняют на масло, яйца. Когда им говорим, то они отвечают, что война, ничего не поделаешь. Так, видно, война только для бедных рабочих и колхозников да несчастных нас, раненых... Люди жизнь отдают свою за Родину и за Вас, товарищ Сталин, а они зажирили, им всего достаточно, и их, видно, война не касается» [13, л. 80].

В редакцию газеты «Шадринский рабочий» поступило письмо от инвалидов войны, в котором они сообщали о неправильном использовании фондов нормированных продуктов, отпускаемых через собес инвалидам труда и отечественной войны. В письме указывалось, что завгорсобесом и председатель комиссии, получив в конце января наряд на 3 тонны овсяных отходов, распределили их между сотрудниками горсобеса и частью инвалидов. Председатель комиссии получил 9 мешков. Факт незаконного распределения среди сотрудников горсобеса из фондов, предназначенных для инвалидов, подтвердился. Пять сотрудников горсобеса получили отходов 300 кг. Проверкой установлено, что они часто неправильно распределяли фонды среди инвалидов и факт самоснабжения не единичен [48].

Колхозное население Южного Зауралья снабжалось продуктами за счет личного подсобного хозяйства и хлеба, выданного в колхозах на трудодни. Нами подсчитано, что на исследуемой территории в среднем каждый трудоспособный колхозник получал по трудодням на один день зерна: в 1942 г. — 125 г, в 1943 г. — 115 г, в 1944 г. — 280 г, в 1945 г. — 380 г. В колхозной семье из трех человек при одном работающем на один день на человека приходилось зерна: в 1942 г. — 41,6 г, в 1943 г. — 38,3 г, в 1944 г. — 93,3 г, в

1945 г. — 126,6 г. Это не удовлетворяло даже минимальных потребностей колхозников и членов их семей в хлебе [37, с. 200—201].

Наиболее тяжелое положение с хлебом было в 1943 г. Тот год был неурожайным, а потребности страны в продовольствии значительно возросли в связи с освобождением от вражеской оккупации огромной территории СССР. Предыдущий 1942 г. тоже был нелегким. В 1942 г. колхозники Южного Зауралья получили на трудодень в среднем по 200 г зерна, в 1943 г. — по 138 г. В 1943 г. в колхозах Чашинского района на трудодень выдали по 80 г зерна, Альменевского — по 49 г. Выработка трудодней практически не влияла на их оплату. В 1942 г. в колхозе им. И. В. Сталина Белозерского района А. И. Березинская, выработавшая 499, З. И. Речкина — 415, А. И. Пухова — 420 трудодней, получили такое незначительное количество зерна, что весной 1943 г. они вместе со своими семьями находились на грани голодной смерти. А ведь среднегодовая выработка на одного колхозника Южного Зауралья составляла в 1942 г. 228, в 1943 г. — 297 трудодней, т.е. была значительно ниже, чем у трех вышеназванных колхозниц. Оплата трудодня деньгами являлась символической: в 1943 г. — 32 коп., в 1944—1945 гг. — по 35 коп. [28, с. 54].

Во многих селах крестьяне голодали. По существующему тогда закону на оплату труда колхозникам разрешалось использовать до 15% произведенной продукции. Но зачастую на местном уровне нормы выдачи хлеба крестьянину резко снижали. А если хозяйство не выполняло план производства и сдачи хлеба государству, то колхозники вообще ничего не получали. Приходилось надеяться только на свой приусадебный участок. Колхозники проявляли недовольство не только на словах, но и массовыми невыходами на колхозную работу. Член колхоза «Коминтерн» Мехонского района П. С. Балашова говорила своим односельчанам: «В колхозе нынче не надо работать, хлеба все равно не достанется, весь хлеб сдадут государству, а за 300 граммов лучше не работать». За невыполнение минимума трудодней (100 в год) людей массово привлекали к судебной ответственности [37, с. 195, 201, 207].

26 февраля 1943 г. в обком партии и облисполком поступила докладная записка от руководителей Шатровского района о том, что многие колхозники были крайне истощены от недоедания, опухали от голода, ели трупы павших животных и птиц. Подобные документы поступали в областной центр из Альменевского, Варгашинского, Белозерского, Глядянского и других районов [36, с. 201—203, 264].

Секретарь Бесказынского сельсовета Уксянского района М. И. Пертунен рассказывала о положении в колхозе им. 14-й годовщины Октября: «Хлеба колхозникам не дают уже три недели, но люди работают, едят траву. А прогуливали на работе некоторые колхозники только потому, что есть нечего. Люди, оставаясь дома, ходят по грибы и опять идут на работу. Некоторые колхозники вынуждены обрывать колосья ржи [37, с. 203].

В апреле 1943 г. секретарь обкома партии С. Дерябин писал секретарям райкомов и горкомов: «В колхозе “Коллективист” Белозерского района семьи красноармейцев истощены и неспособны к физическому труду. Имеются случаи, когда отдельные красноармейские семьи в данном колхозе употребляют в пищу трупы павших животных. В колхозе им. Я. М. Свердлова Уксянского района колхозница М. Комарова, имея пять человек детей в возрасте от двух до тринадцати лет, от истощения болеет, дети опухли, ходят по дворам и подбирают остатки пищи. В колхозе им. С. М. Буденного Уксянского района семья красноармейца Петрова живет исключительно тяжело. Сын его Александр (16 лет) занимается кражами. При обыске в квартире Петрова были обнаружены трупы собак и кошек, из которых семья готовит себе пищу. Аналогичные факты имеют место в Лопатинском, Звериноголовском, Упоровском и других районах области» [10, л. 23, 35; 14, л. 28, 29].

Неблагополучная ситуация сложилась по снабжению продуктами питания сельских учителей. В ряде районов, основываясь на том, что многие учителя имели личное подсобное хозяйство, их снимали с хлебного снабжения или существенно сокращали нормы отпуска продуктов. Так было в Глядянском, Мишкинском, Курганском, Катайском и других районах [1, с. 100]. В июне 1943 г. фронтовик И. А. Тихонов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову письмо об отказе властей Катайского района его жене-учительнице, имевшей троих малолетних детей, в помощи продовольствием. Она получала лишь 240 г хлеба в день на себя и по 60 г на ребенка. Картошка на приусадебном участке учительницы погибла от мороза. Когда она обратилась к районным властям с просьбой об упорядочении снабжения ее семьи хлебом, то получила ответ: «Область учителям ничего не отпускает». Семья сельской учительницы находилась на грани голодной смерти. От имени Г. М. Маленкова работники ЦК партии дали секретарям обкома П. А. Тетюшеву и Катайского райкома ВКП(б) Ф. Ф. Долгому задание: «1) как учительницу и жену фронтовика Т. И. Тихонову снабдить по нормам, определенным Курганскими обкомом ВКП(б) и облисполкомом; 2) «молнией» донести 12 июля 1943 г. о проделанной работе; 3) представить докладную записку о снабжении учителей» [33, с. 40—41].

Нормы снабжения населения хлебом и другими продуктами не всегда соблюдались. Они постоянно корректировались чаще всего в сторону уменьшения в зависимости от наличия продуктов в разные военные месяцы. В Курганской области нормы снабжения людей хлебом нередко снижались до 150—100 г на человека в день. Так, в декабре 1943 г. нормы снабжения людей хлебом в сельской местности были снижены до 500 г для рабочих, 300 г для служащих и 200 г для иждивенцев. Райисполкомы имели право значительно уменьшать эти нормы и даже снимать со снабжения иждивенцев «в зависимости от их обеспеченности продовольственными ресурсами собственных хозяйств». Зимой 1943—1944 гг. во многих районах области норма выдачи хлеба составляла 100—150 г на одного человека в день [8, л. 80—81; 7, л. 235; 10, л. 23; 11, л. 79].

Следует заметить, что и в годы войны голодали не все сельские жители. Отдельные крестьянские семьи за счет личного подсобного хозяйства и довоенных запасов зерна имели достаточное количество продовольствия, но скрывали это от властей и односельчан. Негласная проверка наличия хлеба и картофеля, проведенная осенью 1943 г. работниками Варгашинского районного отдела НКВД по ряду колхозов, выявила, что у значительной части колхозников района имелись большие запасы хлеба и картофеля, которые ими скрывались. Так, в селе Барашково у колхозника И. Я. Костоусова имелось до 100 пудов хлеба и до 120 пудов картофеля. Значительное количество хлеба и картофеля имело 12 семей этого села. В селе Будино у колхозников В. И. Лукашук имелось 60—70 пудов хлеба и 50—60 пудов картофеля, у А. И. Розниченко — 60—65 пудов хлеба и 80—90 пудов картофеля. В этом селе насчитывалось до 30 семей, имеющих запасы хлеба и картофеля. В селе Дубровное колхозник М. И. Кадов имел 50—60 пудов хлеба и свыше 80 пудов картофеля. В этом селе насчитывалось до 20 семей, имевших значительные запасы хлеба и картофеля. В колхозе им. Розы Люксембург колхозник А. С. Козлов имел свыше четырех пудов хлеба и 120 пудов картофеля. Здесь значительное количество продовольствия имели 20 семей. Аналогичное положение было в деревнях Медвежье, Строево, Спорное, в которых от 20 до 40 семей имели личные запасы хлеба и картофеля [37, с. 205, 206].

Власти пытались использовать личные запасы продовольствия отдельных граждан для оказания помощи голодающим. Однако сделать это, не нарушая законодательство, было непросто. Обыски, изъятие «излишков» продовольствия зачастую сопровождалось грубостью и злоупотреблениями со стороны властей. Так, председатель Перуновского

сельсовета Ольховского района Мамонтов вызвал колхозницу М. Орлову и предложил ей продать государству пуд хлеба. Когда М. Орлова заявила, что хлеба она не имеет, так как всего за год получила в колхозе 40 кг зерна, которые израсходовала, Мамонтов предложил ей продать свои вещи и «рассчитаться с государством». Когда районный прокурор узнал, что в Яланском зерносовхозе комбайнер Юрьев из полученных за работу в совхозе 25 пудов зерна 17 пудов израсходовал на покупку коровы, он объявил комбайнера арестованным и пытался провести по «делу» Юрьева расследование [37, с. 206].

Важным источником питания зауральцев являлся сбор грибов, дикорастущих ягод и трав, которые имелись в изобилии в лесной местности. Собирали малину, вишню, смородину, землянику, клюкву. В пищу употребляли щавель, крапиву, саранки, пучки, калачики. Об этом свидетельствуют воспоминания многих людей, живших в военные годы. Из детских воспоминаний Г. П. Мурашовой (Мокроусовский район): «Летом нас вывозили в лес для сбора ягод, грибов и трав для фронта. Первым делом мы старались поесть ягод сами». А. В. Плотникова (г. Шадринск): «Ходили в лес за железную дорогу, собирали малину, ягоды, сосновые шишки для растопки самоваров. В лесу собирали и ели саранки, пучки, калачики, щавель» [24, с. 84]. Г. Кудрина вспоминает: «Мама по весне говорила: “Ну, все, дети, лебеда пошла, значит, с голоду не умрем”» [6].

Заключение

Переход всей экономики страны на военные рельсы привел к нормированному обеспечению населения продовольствием — введению карточной системы. Разделение населения на категории обеспечения позволило рационально распределять продовольствие, прежде всего поддержать рабочих, занятых на тяжелом производстве оборонной промышленности. Продовольствие использовалось как средство стимулирования трудовой дисциплины — передовики получали дополнительные пайки, а нарушителям дисциплины их урезали. Обеспечение рабочих и служащих также зависело от ведомственной принадлежности предприятия, на котором они работали (обеспечение по категориям 1 или 2). Отдельно обеспечивались иждивенцы и дети. Для трудящихся в непромышленных сферах (образование, здравоохранение) нормы снабжения устанавливались в соответствии с одной из категорий. В то же время материальное обеспечение партийно-государственного аппарата и приближенных к нему лиц, злоупотребления с их стороны вызывали недовольство со стороны населения.

Снабжение населения происходило через сети магазинов закрытого и открытого типа, систему общественного питания, ОРСы, горсобесы.

Продукты питания через закрытую сеть магазинов мог получать лишь ограниченный контингент (рабочие оборонных предприятий, верхушка партийно-государственного аппарата), остальное население обеспечивалось через сеть магазинов общего доступа.

Четкая работа столовых на предприятиях и в населенных пунктах имела важное значение: там питались не только рабочие, но и члены их семей, приписанные к ним инвалиды.

Основной проблемой в снабжении изучаемых территорий продовольствием была нехватка местных ресурсов. Наиболее тяжелым в обеспечении населения продовольствием был 1943 г., так как в Южном Зауралье случился неурожай, а активные действия на фронтах требовали еще больших затрат.

В особом положении оказались люди, эвакуированные из западных районов, потому что помимо продовольственных проблем им приходилось решать много бытовых вопросов, таких как обеспечение жильем, дровами и т.д. Их благополучие во многом зависело от продовольственных фондов местных органов власти.

Наряду с задачей государственного обеспечения населения продовольствием остро стояла проблема криминализации общества, развития теневого рынка (хищение картошек, их нелегальная продажа), злоупотреблений отдельных представителей власти при распределении продовольствия.

Казалось бы, в более выгодном положении должны были находиться сельские жители, имевшие личные подсобные хозяйства. Но увеличение налогов и обесценивание трудодней привели крестьянство в бедственное положение.

Таким образом, система обеспечения продовольствием Южного Зауралья была сформирована в начале Великой Отечественной войны, претерпела организационные изменения при выделении Курганской области в самостоятельный субъект. Пути снабжения населения были отлажены, возникавшие проблемы решались в соответствии с реалиями военного времени.

Список использованных источников и литературы

1. Акатьева С. А. Нормированное снабжение Зауралья хлебом в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // VIII Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 9—10 дек. 2010 г.). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. С. 100—103.
2. Бахтияров Р. С., Федорова А. В. Животноводство на Южном Урале в условиях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2019. 208 с.
3. Бякова Л. А. Избранные статьи по краеведению. Шадринск : [б. и.], 2005. 68 с.
4. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Госполитиздат, 1948. 192 с.
5. Воспоминания В. К. Перунова. Записаны С. В. Подкорытовой 25.12.2020, г. Гай // Личный архив С. В. Подкорытовой.
6. Воспоминания Г. Кудриной. Записаны С. В. Подкорытовой 25.07.2021, г. Шадринск // Личный архив С. В. Подкорытовой.
7. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 168.
8. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1-Ос. Д. 1.
9. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 154.
10. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164.
11. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 169.
12. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 178.
13. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 3. Д. 102.
14. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 26. Д. 11.
15. Государственный архив Шадринска (ГАШ). Ф. Р-647. Оп. 2. Д. 35.
16. ГАШ. Ф. Р-672. Оп. 1. Д. 55.
17. ГАШ. Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАШ. Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАШ. Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 9.
20. ГАШ. Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 10.
21. ГАШ. Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 14.
22. ГАШ. Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 62.
23. ГАШ. Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 64.
24. Глухих Л. В. Повседневная жизнь мокроусовцев в годы Великой Отечественной войны // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : материалы региональной науч.-практ. конф. (Курган, 22 апр. 2015 г.). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 79—86.
25. Данилова И. А. Документы региональных архивов о торговле на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 2011. № 5. С. 80—85.
26. Зотов В. Послевоенные перспективы пищевой промышленности // Плановое хозяйство: Политико-экономический журнал Госплана СССР. 1945. № 5. С. 15—24.
27. Клименко К. Уральский промышленный район. М. : Госпланиздат, 1945. 69 с.
28. Кодинцев А. Я., Подливалов В. В., Федченко М. Н. Экономика Южного Зауралья периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1941—1953). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 160 с.

29. Колесникова Г. Ю. Железнодорожный транспорт Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006. 26 с.
30. Мельникова Ю. В. Жизнеобеспечение городского населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 25 с.
31. Могутнов А. В. Оборонно-массовая работа государственных органов и общественных организаций Южного Зауралья в межвоенный период и в годы Второй мировой войны: 1920-е—1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2011. 30 с.
32. Москатов Г. П. Государственные трудовые резервы СССР // Большевик. 1941. № 7—8.
33. На душе от строк твоих теплей... Сто писем о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Курган : Гос. архив общ.-полит. документации Курган. обл., 2010. 164 с.
34. Николаева К. И. Трудовой героизм рабочего класса СССР в дни Отечественной войны // Пропагандист. 1941. № 2.
35. Очерки истории Курганской области : [сб.]. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1968. 479 с.
36. Подливалов В. В. Подвиг и трагедия зауральцев в годы Великой Отечественной войны. Шумиха : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. 480 с.
37. Подливалов В. В. Южное Зауралье в годы Великой Отечественной войны. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2009. 220 с.
38. Рубин В. А. Города Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 30 с.
39. Сонин М. Новые квалифицированные кадры промышленности // Плановое хозяйство. 1941. № 6—7.
40. Тершукова Е. В. О некоторых проблемах общепита г. Кургана в 1941—1944 годы // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : материалы региональной науч.-практ. конф. (Курган, 22 апр. 2015 г.). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 304—308.
41. Тимофеев В. П. Дорога в Шадринск // Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 1995. С. 163.
42. Федченко М. Н. Материально-бытовые проблемы населения Курганской области (1943—1945 гг.) // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : материалы региональной науч.-практ. конф. (Курган, 22 апр. 2015 г.). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 315—322.
43. Финикова И. Г. Положение эвакуированного населения г. Кургана в 1941—1942 годах // Зырянские чтения : материалы межрегиональной науч.-практ. конф. (Курган, 14—15 дек. 2004 г.). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. С. 112—114.
44. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.
45. Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 2004.
46. Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 2016.
47. Шадринский рабочий. 1944. 13 февр.
48. Шадринский рабочий. 1944. 14 июля.
49. Шадринский рабочий. 1944. 2 апр.
50. Шадринский рабочий. 1944. 22 марта.
51. Южное Зауралье в годы войны: история в документах 1941—1945 гг. Курган : Зауралье, 2005. 212 с.

Поступила в редакцию 12.10.2021

Подкорытова Светлана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент
Шадринский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 641800, Курганская область, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3
E-mail: gusewasw@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4537-7333

Федченко Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Курганский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 640020, г. Курган, ул. Советская, 63, корпус 1
E-mail: oid@kgsu.ru
ORCID: 0000-0003-3061-9421

UDC 94(470.5)“1941/45”

S. V. Podkorytova**M. N. Fedchenko****Food supply of the population of the Southern Trans-Urals during the Great Patriotic War**

The article deals with the issues of food supply for the population of the Southern Trans-Urals (Kurgan region) during the Great Patriotic War. The microhistorical approach to the analysis of sources allowed the authors to identify the main problems of food supply and their impact on the daily life of the population. The study is based on the memoirs of the war participants, the children who lived in the city of Shadrinsk during this period, both published and recorded personally by the authors. The analysis of archival sources (funds of the Shadrinsk City Council of Workers' Deputies and its executive committee, enterprises evacuated to Shadrinsk) was carried out. The main categories of food supply to the population of the Southern Trans-Urals are identified. The normative documents that established the card supply system in the region, the norms for card allowances for different social groups, the system of lettered meals for the leaders of production, the management staff of enterprises and institutions are considered. The cards were sold through a closed chain of stores, grocery stores of general availability, canteens. The authors pay attention to improving the nutrition of the population, primarily workers, through the organization of subsidiary farms, the collection of wild plants, hunting and fishing. The precedents of poor supply of teachers in rural areas and evacuated residents, illegal issuance of cards at enterprises, their loss and theft, abuse of local officials in the distribution of food are shown. Such problems of rural population food supply as depreciation of workdays, crop failures, speculation are characterized. It is concluded that the food supply system was created, but had a number of problems that were solved in accordance with the capabilities of local authorities and wartime conditions.

Key words: Southern Trans-Urals (Kurgan region), the Great Patriotic War, food problem, social groups.

Podkorytova Svetlana Valeryevna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor
Shadrinsk State Pedagogical University
Russian Federation, 641800, Kurgan region, Shadrinsk, ul. K. Libknechta, 3
E-mail: gusewasw@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4537-7333

Fedchenko Mikhail Nikolayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Kurgan State Pedagogical University
Russian Federation, 640020, Kurgan, ul. Sovetskaya, 63, building 1
E-mail: oid@kgsu.ru
ORCID: 0000-0003-3061-9421

References

1. Akat'eva S. A. Normirovannoe snabzhenie Zaural'ya khlebom v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg. [Rated supply of the Trans-Urals with bread during the Great Patriotic War of 1941—1945]. *VIII Zyryanovskie chteniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Kurgan, 9—10 dek. 2010 g.)* [VIII Zyryanov readings. Proceed. of the All-Russia sci.-pract. conf. (Kurgan, Dec. 9—10, 2010)]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2010, pp. 100—103. (In Russian)
2. Bakhtiyarov R. S., Fedorova A. V. *Zhivotnovodstvo na Yuzhnom Urale v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg.* [Animal husbandry in the South Urals during the Great Patriotic War of 1941—1945]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2019. 208 p. (In Russian)
3. Byakova L. A. *Izbrannye stat'i po kraevedeniyu* [Selected articles on local history]. Shadrinsk, 2005. 68 p. (In Russian)
4. Voznesenskii N. A. *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voiny* [The military economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 192 p. (In Russian)

5. Vospominaniya V. K. Perunova. Zapisany S. V. Podkorytvoi 25.12.2020, g. Gai [Memoirs of V. K. Perunov. Recorded by S. V. Podkorytova on December 25, 2020, Gai]. *Lichnyi arkhiv S. V. Podkorytvoi* [Personal archive of S. V. Podkorytova]. (In Russian)
6. Vospominaniya G. Kudrinoi. Zapisany S. V. Podkorytvoi 25.07.2021, g. Shadrinsk [Memoirs of G. Kudrina. Recorded by S. V. Podkorytova on July 25, 2021, Shadrinsk]. *Lichnyi arkhiv S. V. Podkorytvoi* [Personal archive of S. V. Podkorytova]. (In Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi dokumentatsii Kurganskoi oblasti* [State Archive of Socio-Political Documentation of the Kurgan Region] (GAOPDKO). F. 166. Op. 1. D. 168.
8. GAOPDKO. F. 166. Op. 1-Ос. D. 1.
9. GAOPDKO. F. 166. Op. 2. D. 154.
10. GAOPDKO. F. 166. Op. 2. D. 164.
11. GAOPDKO. F. 166. Op. 2. D. 169.
12. GAOPDKO. F. 166. Op. 2. D. 178.
13. GAOPDKO. F. 166. Op. 3. D. 102.
14. GAOPDKO. F. 166. Op. 26. D. 11.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Shadrinska* [State Archive of Shadrinsk] (GASh). F. R-647. Op. 2. D. 35.
16. GASh. F. R-672. Op. 1. D. 55.
17. GASh. F. R-682. Op. 1. D. 1.
18. GASh. F. R-682. Op. 1. D. 3.
19. GASh. F. R-682. Op. 1. D. 9.
20. GASh. F. R-682. Op. 1. D. 10.
21. GASh. F. R-682. Op. 1. D. 14.
22. GASh. F. R-682. Op. 1. D. 62.
23. GASh. F. R-682. Op. 1. D. 64.
24. Glukhikh L. V. Povsednevnyaya zhizn' mokrousovtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Everyday life in Mokrousovo during the Great Patriotic War]. *Zaural'e i Pobeda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941—1945 gg.: materialy regional'noi nauch.-prakt. konf. (Kurgan, 22 apr. 2015 g.)* [Trans-Urals and Victory in the Great Patriotic War of 1941—1945. Proceed. of the regional sci. and pract. conf. (Kurgan, Apr. 22, 2015)]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2015, pp. 79—86. (In Russian)
25. Danilova I. A. Dokumenty regional'nykh arkhivov o trgovle na Yuzhnom Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Documents of regional archives on trade in the Southern Urals during the Great Patriotic War]. *Otechestvennye arkhivy*, 2011, no. 5, pp. 80—85. (In Russian)
26. Zotov V. Poslevoennye perspektivy pishchevoi promyshlennosti [Post-war perspectives of the food industry]. *Planovoe khozyaistvo: Politiko-ekonomicheskii zhurnal Gosplana SSSR*, 1945, no. 5, pp. 15—24. (In Russian)
27. Klimenko K. *Ural'skii promyshlennyi raion* [Ural industrial region]. Moscow, Gosplanizdat Publ., 1945. 69 p. (In Russian)
28. Kodintsev A. Ya., Podlivalov V. V., Fedchenko M. N. *Ekonomika Yuzhnogo Zaural'ya perioda Velikoi Otechestvennoi voiny i pervykh poslevoennykh let (1941—1953)* [Economy of the Southern Trans-Urals during the Great Patriotic War and the first post-war years (1941—1953)]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2004. 160 p. (In Russian)
29. Kolesnikova G. Yu. *Zheleznodorozhnyi transport Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Railway transport of the Southern Urals during the Great Patriotic War of 1941—1945. Abstr. Cand. Dis.]. Orenburg, 2006. 26 p. (In Russian)
30. Mel'nikova Yu. V. *Zhizneobespechenie gorodskogo naseleniya Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: 1941—1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Life support of the urban population of the Southern Urals during the Great Patriotic War: 1941—1945. Abstr. Cand. Dis.]. Orenburg, 2007. 25 p. (In Russian)
31. Mogutnov A. V. *Oboronno-massovaya rabota gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsii Yuzhnogo Zaural'ya v mezhoennyi period i v gody Vtoroi mirovoi voiny: 1920-e—1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Defense-mass work of state bodies and public organizations of the Southern Trans-Urals in the interwar period and during the Second World War: 1920s—1945. Abstr. Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2011. 30 p. (In Russian)
32. Moskatov G. P. Gosudarstvennye trudovye rezervy SSSR [State labor reserves of the USSR]. *Bol'shevik*, 1941, no. 7—8. (In Russian)
33. *Na dushe ot strok tvoikh teplei... Sto pisem o Velikoi Otechestvennoi voine 1941—1945 gg.* [On the soul from the lines of your warmth... One hundred letters about the Great Patriotic War of 1941—1945]. Kurgan, Gos. arkhiv obshch.-polit. dokumentatsii Kurgan. obl. Publ., 2010. 164 p. (In Russian)
34. Nikolaeva K. I. Trudovoi geroizm rabocheho klassa SSSR v dni Otechestvennoi voiny [Labor heroism of the working class of the USSR during the Patriotic War]. *Propagandist*, 1941, no. 2. (In Russian)

35. *Ocherki istorii Kurganskoi oblasti* [Essays on the history of the Kurgan region]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1968. 479 p. (In Russian)
36. Podlivalov V. V. *Podvig i tragediya zaural'tsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The feat and tragedy of the Trans-Urals during the Great Patriotic War]. Shumikha, Kurgan. gos. un-t Publ., 2010. 480 p. (In Russian)
37. Podlivalov V. V. *Yuzhnoe Zaural'e v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Southern Trans-Urals during the Great Patriotic War]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2009. 220 p. (In Russian)
38. Rubin V. A. *Goroda Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: 1941—1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Cities of the Southern Urals during the Great Patriotic War: 1941—1945. Abstr. Cand. Dis.]. Orenburg, 2007. 30 p. (In Russian)
39. Sonin M. *Novye kvalifitsirovannye kadry promyshlennosti* [New qualified industry personnel]. *Planovoe khozyaistvo*, 1941, no. 6—7. (In Russian)
40. Tershukova E. V. *O nekotorykh problemakh obshepita g. Kurgana v 1941—1944 gody* [On some problems of catering in the city of Kurgan in 1941—1944]. *Zaural'e i Pobeda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941—1945 gg.: materialy regional'noi nauch.-prakt. konf. (Kurgan, 22 apr. 2015 g.)* [Trans-Urals and Victory in the Great Patriotic War of 1941—1945. Proceed. of the regional sci. and pract. conf. (Kurgan, Apr. 22, 2015)]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2015, pp. 304—308. (In Russian)
41. Timofeev V. P. *Doroga v Shadrinsk* [Road to Shadrinsk]. *Shadrinskaya starina. Kraevedcheskii al'manakh* [Shadrinsk antiquity. Local history almanac]. Shadrinsk, 1995, pp. 163. (In Russian)
42. Fedchenko M. N. *Material'no-bytovye problemy naseleniya Kurganskoi oblasti (1943—1945 gg.)* [Material and everyday problems of the population of the Kurgan region (1943—1945)]. *Zaural'e i Pobeda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941—1945 gg.: materialy regional'noi nauch.-prakt. konf. (Kurgan, 22 apr. 2015 g.)* [Trans-Urals and Victory in the Great Patriotic War 1941—1945. Proceed. of the regional sci. and pract. conf. (Kurgan, Apr. 22, 2015)]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2015, pp. 315—322. (In Russian)
43. Finikova I. G. *Polozhenie evakuirovannogo naseleniya g. Kurgana v 1941—1942 godakh* [The situation of the evacuated population of the city of Kurgan in 1941—1942]. *Zyryanovskie chteniya: materialy mezhtsional'noi nauch.-prakt. konf. (Kurgan, 14—15 dek. 2004 g.)* [Zyryanov readings. Proceed. of the interregional sci. and pract. conf. (Kurgan, Dec. 14—15, 2004)]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2004, pp. 112—114. (In Russian)
44. Khisamutdinova R. R. *Sel'skoe khozyaistvo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Maloizvestnye stranitsy* [Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Little known pages]. Orenburg, OGPU Publ., 2002. 300 p. (In Russian)
45. *Shadrinskaya starina. Kraevedcheskii al'manakh* [Shadrinsk antiquity. Local history almanac]. Shadrinsk, 2004. (In Russian)
46. *Shadrinskaya starina. Kraevedcheskii al'manakh* [Shadrinsk antiquity. Local history almanac]. Shadrinsk, 2016. (In Russian)
47. *Shadrinskii rabochii*, 1944. Febr. 13. (In Russian)
48. *Shadrinskii rabochii*, 1944. July 14. (In Russian)
49. *Shadrinskii rabochii*, 1944. Apr. 2. (In Russian)
50. *Shadrinskii rabochii*, 1944. March 22. (In Russian)
51. *Yuzhnoe Zaural'e v gody voiny: istoriya v dokumentakh 1941—1945 gg.* [Southern Trans-Urals during the War: History in Documents 1941—1945]. Kurgan, Zaural'e Publ., 2005. 212 p. (In Russian)